

**Сапрыгин Борис Владимирович**

*канд. филос. наук, доц., Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, saprygin2007@yandex.ru*

## **ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МЫШЛЕНИИ И СОЗНАНИИ В ФИЛОСОФИИ М. МАМАРДАШВИЛИ**

**Saprygin Boris Vladimirovich**

*Candidate of Philosophy sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, saprygin2007@yandex.ru*

## **THE NOTION OF THINKING AND CONSCIOUSNESS IN THE PHILOSOPHY OF M. MAMARDASHVILI**

*Аннотация.* В статье анализируется онтолого-гносеологическое учение о мышлении и сознании М. К. Мамардашвили, показывается, что оно развивается в русле классических онтологических и гносеологических теорий. Актуальность темы обусловлена сложностью интерпретации идей этого автора, отсутствием единого подхода к их пониманию. Цель работы – упорядочить представления М. К. Мамардашвили о мышлении и сознании, эксплицировать содержание, вкладываемое автором в эти понятия. Делается вывод о том, что «сознание» и «мышление» в его концепции не следует понимать психологически. Хотя за этими понятиями и стоят какие-то психические феномены, в интерпретации М. К. Мамардашвили они получают онтологическое и гносеологическое наполнение.

*Ключевые слова:* мышление, сознание, трансцендентальный, единство бытия и мышления, достоверность, психическое состояние, Платон, Декарт, Гуссерль.

*Abstract.* The paper analyzes the ontological and epistemological doctrine of thinking and consciousness by M. K. Mamardashvili and demonstrates that it develops in line with the classical ontological and epistemological theories. The relevance of the topic is determined by the difficulty of interpreting this author's ideas and the lack of a unified approach to their understanding. The purpose of the paper is to organize M. K. Mamardashvili's ideas about thinking and consciousness and to explicate the meaning the author gives to these concepts. The conclusion is made that «consciousness» and «thinking» in his doctrine are not to be understood psychologically. Although there are some mental phenomena behind these concepts, in M. K. Mamardashvili's interpretation they obtain ontological and epistemological meaning.

*Keywords:* thinking, consciousness, transcendental, unity of being and thinking, indubitability, mental state, Plato, Descartes, Husserl.

Творчество М. К. Мамардашвили неизменно привлекает к себе интерес исследователей, занимающихся вопросами онтологии, гносеологии и этики. Однако в том, что касается понимания сути его представлений, однозначного мнения не существует, а оценки интерпретаторов его концепций зачастую противоположны. Убедительное и связанное истолкование его философских воззрений оказывается весьма проблематичным. И поскольку центральное место в философии М. К. Мамардашвили занимает онтолого-гносеологическое учение о мышлении и сознании, именно оно,



следует констатировать, оказывается наиболее сложным для понимания и подвергается наибольшему числу искажений и ложных интерпретаций.

Как известно, лейтмотивом рассуждений М. К. Мамардашвили является утверждение о том, что подлинное мышление – это совсем не то, что мы привыкли так называть. Обычные представления о мышлении, с его точки зрения, неверны. Более того, М. К. Мамардашвили утверждает, что распространенные представления о сути традиционных философских учений – учений, созданных в опоре на подлинное, глубокое, онтологически укорененное мышление, – ошибочны. Философы, теории которых излагаются в учебниках и которые кажутся нам такими понятными и привычными, на самом деле мыслят не так и имеют в виду не то. Им присущ иной тип мышления, который нам, людям мыслящим обычным образом, не до конца ясен. Но вот что это за иной, подлинный, философский, тип мышления, с токи зрения М. К. Мамардашвили, – в этом и состоит вопрос. Цель этой работы заключается в том, чтобы попытаться ответить на него, проанализировав, что на самом деле имеет в виду этот автор, когда употребляет такие понятия, как «мышление» и «сознание».

Согласно М. К. Мамардашвили, подлинное мышление – это не то, что можно было бы осуществить по собственному желанию, усилием воли [4, с. 45]. Подлинное мышление случается само. Это «событие мысли». И моменты, когда случается подлинное мышление, редки. Это не какое-то стабильное, постоянное состояние. Цитируя Декарта, М. К. Мамардашвили не устает повторять: «в момент, когда мыслю», «столь долго, сколько мыслю или пребываю в мысли», «когда случится помыслить, тогда», «каждый раз, когда» [4, с. 62]. А для того чтобы оставаться в подлинном мышлении, чтобы не выпасть из него, необходимо усилие.

Подлинное мышление – это невербальная операция. Об этом М. К. Мамардашвили заявляет неоднократно и со всей определенностью [3, с. 50–51, 126]. Когда мы мыслим по-настоящему, мы выходим за пределы языкового мышления. Мы мыслим без языка, без его навязываемых нам образов. «...Это некое невербальное состояние активности в момент здесь и сейчас...» [3, с. 50].

Иными словами, подлинное мышление – это совершенно особое состояние сознания. Сам М. К. Мамардашвили определяет его так: «Если я нахожусь в мысли, то я мыслю о мысли и ни о чем другом. Это некая беспредметная и бессубъектная мысль. И она – условие экзистенциального акта человеческого существования как возможного события в мире. И она же – основание трансцендентального среза мира или трансцендентального сознания, с позиций которого мы рассматриваем говоримое как возможность того мира, о котором говорится. И где источники наших теоретических представлений и источники опыта совпадают. Или, вернее, где теория и опыт имеют один и тот же источник [3, с. 105].

Подлинное мышление – это мысль без содержания, «чистое», невербальное, безобразное состояние сознания. Это выход, трансценденция, за пределы обыденного сознания с его чувственной образностью – сознания, как выражается Э. Гуссерль, пребывающего в естественной установке. Это переживание того, что раскрывается, выявляется сама глубинная основа сознания. И поскольку окружающий мир – это мир нашего восприятия, мир сознания, выявляющаяся основа сознания есть одновременно и основа самого мира, бытия. «Здесь идет речь (когда я говорю об опыте сознания) о каком-то отношении или соотносительности в сознании всего мира, о какой-то связности его до любого содержания, до любой предметной кристаллизации и, следовательно, до предметных утверждений об объектах. Или, скажем так, эта связность первична по отношению к любым предметам в поле мысли, ее

возможным кристаллизациям. Последние оказываются предметными просто в силу, если угодно, определенного сгущения названного поля» [3, с. 92].

Обнаруживающаяся при трансцендентальном мышлении основа сознания и бытия переживается как некое единство, как некая первоединая «среда», фундаирующая собой все в дальнейшем возникающие восприятия. Восприятия предметов словно изливаются из нее, она же есть их источник. При этом самой ей не присущи субъект-объектные характеристики.

Как можно заметить, в вышеприведенном отрывке речь у М. К. Мамардашвили идет, по сути, о парменидовском бытии, едином. Именно это понятие отражается во фразе М. К. Мамардашвили: «связность сознания, первичная по отношению к любым предметам». И понятно, почему из так понимаемого сознания вырастет принцип единства бытия и мышления: ведь нет бытия, которое не входило бы в поле сознания, и единство сознания есть одновременно и единство бытия.

Выраженный здесь принцип единства бытия и мышления является «лакмусовой бумажкой» для определения мышления рассматриваемого нами типа: бессубъектная мысль, являющаяся условием существования. Именно такой тип мышления выводит мышление за пределы субъективности, достигает того, что Мамардашвили называет «бытийной укорененностью мышления».

Как утверждает М. К. Мамардашвили (и это очень важная мысль, о многом говорящая относительно смысла его философии), «сама чистая мысль не является представимым реальным или психологическим состоянием или переживанием какого-либо человека», и «в этом смысле чистая мысль никакого отношения к особой природе человека не имеет» [3, с. 105]. «...То сознание, о котором я говорю, – наставляет Мамардашвили, – есть онтологически ускоренное сознание, а не какая-нибудь субъективность. Эта некоторая, так сказать, космологическая постоянная, имеющая онтологический статус» [3, с. 50]. Сознание, в понимании М. К. Мамардашвили, выходит за пределы психики человека и лишь отражается в ней.

«Трансформированная приставками психика сращена с осознанием. То есть, другими словами, в феномене осознания мы имеем трансцендентальное, непсихологическое или неэмпирическое сознание, но видим и *переживаем* его в теле (или через тело) наглядного психологического или эмпирического “я”, эмпирического сознания, в котором образуется, например, внутреннее время и другие жизненные сращения, представляющие собой производные, вторичные, третичные структуры феномены индивидуального сознания. <...> Ибо рассматриваются в этом случае акты, относительно которых не предполагается, как я говорил, никакого специального физического носителя, никакого особого, специфического механизма “способности” (локализуемого во внутренней ментальности). За мыслью не стоит субъект (вещь со свойствами). Мысль – “состояние» универсума!”» [4, с. 130].

Такое сознание – это не сознание человека: это сознание бытия, это само бытие. Вспомним Парменида: одно и то же есть бытие и мышление. «...Когда мы отождествляем бытие и мышление, мы тем самым предполагаем, что между ними нет никакого интервала. Сказать бытие – сказать то же самое, что мысль, говорил Парменид. А сказать мысль – значит высказать бытие. Для меня же сознание есть некий сверхчувственный интервал» [3, с. 54].

Из вышесказанного становится понятно, почему Мамардашвили может произнести следующие слова, которые, ввиду их предельной выразительности и не требующей пояснений откровенности, мы оставим без комментариев. «Эти вопросы и картины есть своего рода «сгущенная мысль» или, – если воспользоваться тер-



минологией Вернадского, – живое вещество сознания, которое мы не можем локализовать под черепной коробкой конкретной человеческой особи. По обыденной привычке мы, как правило, вписываем акты сознания в границы анатомического очертания человека. Но, возможно, существенным, каким-то первичным образом сознание размещено вне индивида и представляет собой какое-то пространственно-подобное или полевое образование» [3, с. 73].

«Сознание – это как бы “всепроникающий эфир” в мире. Или, как сказал бы Вернадский, громадное тело, находящееся в пульсирующем равновесии и порождающее новые формы» [3, с. 81].

\* \* \*

Существует опасность понять слова М. К. Мамардашвили абстрактно: как некие отвлеченные рассуждения, дискурсивно-логические умозаключения, не указывающие ни на что конкретно воспринимаемое, – своего рода нереференциальный дискурс, которым так «грешит» современная философия (ср.: [2]; [5, с. 135]). Сам М. К. Мамардашвили предостерегает против такого неправильного, абстрактного, понимания (напр.: [4, с. 29]). Говоря о «чистых» состояниях сознания, он указывает на то, что понимать их следует «не в смысле продукта абстракции или обобщающего понятия, а в смысле хотя и естественным образом для человека невозможного, но, тем не менее, случающегося с ним в каких-то особых состояниях» [3, с. 43].

Используя «натуралистический» язык, к которому имеет склонность современная философия, язык хотя и неадекватный исследуемому предмету, но являющийся для современных людей более понятным, чем язык традиционной метафизики, можно сказать, что те созерцания, о которых говорится у М. К. Мамардашвили, представляют собой особые, необычные состояния психики. Это необычные психические феномены, незнакомые подавляющему большинству людей. Такие состояния психики, придавая сознанию, как выражается М. К. Мамардашвили, «гармонию» и превращая «столь привычный до этого мир в нечто условное и не само собой разумеющееся», имеют «свой режим жизни, в корне отличный от наших ежедневных психологических состояний» [3, с. 43]. Люди, испытавшие на себе такие состояния, «проделали... подвиг мысли, подвиг медитации или какого-то очень сложного психотехнического опыта» [3, с. 54].

Однако, что особенно важно, эти психические феномены обладают гносеологическим содержанием: это есть более глубокое понимание, а не просто странные чувственные переживания. При возникновении таких феноменов происходит словно раскрытие психики, обнаруживается глубина мышления. Имеет место как будто «расслоение» сознательного восприятия, когда все привычные нам предметные образования отступают на второй план, а на первый выходит та подоснова сознания, которая воспринимается как то, что их порождает. При этом эти психические феномены указывают на что-то, что субъективным никоим образом не является, что выходит за пределы человека, что относится к бытию в целом.

Речь идет о каких-то совершенно реальных созерцаниях внутренней формы сознания или, как неоднократно выражается сам М. К. Мамардашвили, «универсальных структур сознания», которые едины для всех людей. При подлинном, глубоком мышлении и происходит раскрытие таких глубинных «структур сознания» [3, с. 95; 4, с. 29, 117, 147, 207–208]. Эти «структуры» представляют собой ту первооснову, на которой строится и исходя из которой функционирует человеческое сознание. И не только оно, но и весь мир, все бытие, поскольку эти универсальные структуры конституируют и само бытие.

Выявляя такие глубинные структуры сознания, мы оказываемся в совершенно специфическом состоянии – состоянии, которое с философской точки зрения можно описать как «метафизически нулевое». «Это все та же отвлеченная духовная истина о “великом безразличии, которое в нас и в Боге”, но выполняемая в виде естественной редукции на себе – срезания всего нарощего, всех идолов крови, почвы и страсти для достижения какого-то метафизического нулевого состояния. Состояния как бы некоего возможного (но еще никакого!) иносущества, которое чуть ли не марсианским – первым! – взглядом смотрит на наши шевеления и когитации. Это знакомая нам редукция к метафизической границе мира с ее конечным пунктом, где все факты и состояния равноправны и равнобезразличны, все – равнослучайны, как и их смысловая иерархия и субординация» [4, с. 28].

Это такое состояние психики, когда хорошо известный нам мир воспринимается как будто бы заново, когда мы оказываемся способны взглянуть на него новыми глазами, избавившись от концептуальных наслоений естественной установки. С психологической точки зрения это состояние, пожалуй, в чем-то близко к феномену *jamais vu*, и именно в таком состоянии сознания можно увидеть внешнюю, психологическую, форму гуссерлевской редукции.

«Великое безразличие», упомянутое в отрывке, помимо того что это состояние «бесстрастия», есть одновременно и переживание абсолютной достоверности, состояние, когда сомневаться попросту невозможно. Именно о такой достоверности говорит Декарт [6].

Однако такое состояние «безразличия» и «достоверности» не есть некое пассивное состояние. Наоборот, это момент высшего напряжения всех душевных сил.

Потом в глубинах философии Декарта это будет называться «великим безразличием Бога и человека». Он выражался так: «То великое безразличие, которое есть в нас и в Боге» [4, с. 32]. Но это безразличие – только некая точка, после которой начинается что-то другое. Эту точку я назову *фиксированной точкой интенсивности*. И чтобы была возможность следить за ходом моей мысли, для начала скажу, что наша обычная психика – довольно нелепое создание природы и чаще всего находится в хаотическом или вялом состоянии. Она мертва, если не существуют какие-то точки (она не одна), вокруг которых происходит интенсификация нашей психической жизни. То есть в этих точках существует одновременно и некая избыточность.

Очень показательна и символична в связи со всем вышесказанным ссылка М. К. Мамардашвили на платоновский символ пещеры [3, с. 44]. Платон с его «метафизикой света», очевидно, описывает совершенно необычный опыт сознания, и приравнивание самим М. К. Мамардашвили рассматриваемого им мыслительного опыта к платоновскому о многом говорит. Мы же, со своей стороны, не должны недооценивать всей силы и глубины такого опыта [7].

Таким образом, то мышление, о котором говорит М. К. Мамардашвили, – это совершенно особое состояние сознания, характеризующееся следующими признаками: переживанием единства бытия и мышления (из чего вырастает философский идеализм); состоянием «безразличия», «божественной апатии»; состоянием достоверности воспринимаемого и понимаемого; переживанием интенсификации сознательной жизни. Это, по-видимому, и есть то состояние «усмотрения сущностей», достигаемое в «созерцании, дающем сущность», о котором говорит Э. Гуссерль [1].

Свидетельство обращения к мышлению такого типа М. К. Мамардашвили обнаруживает в философии ряда классических авторов, в первую очередь, Платона и Декарта. Поэтому недаром одно из наиболее известных его произведений, «Карте-





зианские размышления», представляет собой, по сути, попытку доказать, что мышление Декарта отличается от мышления обычного человека, и продемонстрировать это на примере текстов самого французского мыслителя.

\* \* \*

Часто размышления М. К. Мамардашвили пытаются представить то в качестве нетрадиционной, постмодернистской, философии, лишь использующей мотивы классических авторов, то в качестве чего-то вроде экзистенциальной философии, рассуждающей о смысле жизни и предназначении человека. Обнаруживают даже параллели с Сартром или Камю. В действительности подобное понимание творчества этого мыслителя не может быть признано удовлетворительным. Хотя его философии и присущи экзистенциалистские мотивы, все же это, несомненно, мысль, движущаяся в русле традиционных онтологических и гносеологических изысканий.

Следует еще раз отметить, что, когда М. К. Мамардашвили говорит о мышлении и сознании, о том, что мы не мыслим по-настоящему и не живем сознательной жизнью, он вовсе не вкладывает в эти понятия какого-то романтически-поэтического содержания, как бывают порой склонны считать, и не призывает к поискам собственной сущности в духе Сартра. Его рассуждения о мышлении – это не сентиментальные поучения о том, сколь полезно, отрешившись от земных хлопот, посидеть и помечтать о смысле жизни и бытия, о самореализации человека и необходимости взять на себя ответственность за свои поступки. М. К. Мамардашвили указывает на совершенно определенный класс ярко выраженных психических явлений. То, что он называет мышлением и сознанием, представляет собой особые, достаточно редкие мыслительные феномены. Это особый способ мышления, не присущий подавляющему большинству людей. Именно в силу его редкости многие и не видят того, что на самом деле стремиться высказать М. К. Мамардашвили, принимая его слова за банальный экзистенциализм. Сам же он довольно откровенно говорит, что возможен совершенно особый тип мышления. Этот тип мышления присущ некоторым из тех философов, имена которых мы встречаем в учебниках по философии, и не присущ многим из их читателей. Поэтому-то нам очень часто не до конца понятна логика рассуждений классических авторов, и мы принимаем непонятные нам места их учений за простые погрешности в рассуждении.

В чем состоит природа мышления и сознания в том виде, как они понимаются М. К. Мамардашвили, – это вопрос, требующий дальнейшего изучения. На самом ли деле феномены, на которые он указывает, открывают перед нами некую глубину обыденного мышления и выступают в качестве его сущности? Не может ли оказаться так, что это всего лишь странные, случайные, а возможно, и болезненные психические феномены, не играющие большой роли в познании? Все это еще требует своего осмысления и обсуждения. (Автором этой статьи была предпринята попытка исследовать эту тему на примере философии Платона [7].) Для начала важно осознать, о каком явлении вообще идет речь. Важно заметить это явление во всей его конкретности, вовлечь его в сферу своего внимания, не пройти мимо него. Привлечение внимания к этому феномену и было одной из задач этой работы.

### Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. Т.1 / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: ДИК, 1999. 336.
2. Калиниченко В. В. К метакритике понятия интенциональности у Эд. Гуссерля // Логос. 1997. № 10. С. 65–80.



3. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс: Культура, 1992. 416 с.
4. *Мамардашвили М. К.* Картезианские размышления. М.: Прогресс: Культура, 1993. 352 с.
5. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. С. 135.
6. *Сапрыгин Б. В.* Бог как гарант достоверности в метафизике Декарта // Метафизика на переломе времен: сборник материалов регионального научно-практического семинара с международным участием, посвященного 450-летию Ф. Бэкона и 415-летию Р. Декарта. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 42–46.
7. *Сапрыгин Б. В.* Психологические основания идеализма Платона // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 4 (16). С. 74–82.

